

ЗАПИСКИ ЮСТА ЮЛЯ, датского посланника при Петре Великом (1709 — 1711)

Дневник датского посланника при русском дворе Юста Юля (1664 — 1715) можно в шутку назвать «Дневником путешествия одного трезвенника в страну поклонников Бахуса». Действительно, через весь дневник проходит отчаянная мысль о том, как трудно, невозможно работать в стране, повелитель которой стремится обязательно спить окружающих, в том числе и иностранных дипломатов.

Юсту Юлю можно посочувствовать, хотя речь идет не о субтильном, нежном придворном, который внезапно оказался в окружении русских «варваров». Между тем, до приезда в Россию он прожил весьма нелегкую жизнь, испытал и нужду, и превратности судьбы, участвовал в войнах. В молодости он повидал мир, плавая матросом по Средиземному морю, а потом быстро сделал карьеру в датском королевском флоте. Когда осенью 1709 года Юль по заданию датского короля Фредерика IV пересек русскую границу, он был уже опытным человеком, командором флота.

Встреча с Петром произвела на него весьма сильное впечатление, и он в полной мере понял грандиозность происходившего тогда в России, место и роль царя Петра, оценил его титанические усилия по преобразованию страны. Вместе с тем, Ю. Юля, как человека нового, свежего, удивили многие черты жизни Петра и его приближенных, времяпровождение которых было не всегда цивилизовано.

Дипломату, желавшему достичь поставленных его правительством целей, была необходима поддержка сановников, постоянное общение с самим царем. В его обязанности входило посещение различных торжеств, праздников, банкетов, которые, как правило, кончались многодневными безобразными попойками, ставшими вообще нормой при дворе Петра. Юль красочно описывает свои страдания от чрезмерного и обязательного питания крепких напитков,

которые не принимала душа датчанина. По-видимому, командор (впоследствии — адмирал) не вписывался в традиционный и привычный нам по «пиратским» романам образ морского волка — пропитанного ромом и табаком бесшабашного гуляки.

И действительно, дневник Юля рисует нам командора человеком воспитанным, умным, умелым дипломатом, интересным, спокойным и дружелюбным к окружающим собеседником. Однако он был всегда готов защищать свою честь дворянина со шпагой в руке. Автор дневника знал жизнь и сумел увидеть в России очень много, как плохого, так и хорошего. Примечательно, что в его дневнике, несмотря на остроту наблюдений, нет ни тени враждебности, пренебрежения к стране, в которой он пробыл почти два года (с октября 1709-го до лета 1711 года).

По возвращении в Данию королевское правительство по достоинству оценило результаты посольства Юста Юля. Король дважды предлагал ему продолжить столь успешно начатую миссию и вернуться в Петербург, но тот каждый раз отвечал, что не может этого сделать, ибо «из долгого опыта известно, какие неприятности предстоят ему от пьянства» при русском дворе.

Следует отметить, что судьба еще не раз испытывала образцовую трезвенность Юста Юля. В 1712 году он, командуя кораблем «Морская царица», принимал прибывшего в Данию Петра I, который, помня Юля и питая к нему самые дружеские чувства, пожелал остановиться именно на «Морской царице». Нет сомнений, Юлю еще раз пришлось испытать то, что он не мог забыть по возвращении из России.

В другой раз, в том же 1712 году, он, уже будучи вице-адмиралом, подходил к своему кораблю на шлюпке и заметил, что с корабля бегут матросы. Причиной всеобщей паники был дым, валивший из соседствовавшего с пороховым погребом трюма. Адмирал — человек смелый и мужественный (впоследствии погибший в морском сражении со шведами) не дрогнул и, поднявшись на борт корабля, тотчас устремился в задымленный трюм. Что же он там увидел?

«Один боцман, — рассказывает современник, — воспользовавшись временем богослужения, спустился в трюм воровать водку и зачерпнул ее из бочонка, но затем неосторожно просунул в отверстие бочонка свечу, чтобы посмотреть, не осталось ли еще водки, тогда водка вспыхнула, и пламя стало выходить из отверстия. Желая потушить огонь, боцман накрыл отверстие шапкой, потом, когда шапка сгорела, курткой, но не помогла и куртка, так как не отняла у пламени воздух. В конце концов он сам сел на отверстие, но штаны его тоже загорелись». И хотя незадачливому боцману все же удалось погасить чреватый взрывом корабля

винный пожар, появление в этот момент доблестного адмирала Юля—последовательного борца с зеленым змием—было весьма символично и вместе с тем забавно.

Если же касаться серьезной материи, то дневник Юля, тщательно доработанный дома, в Дании, в спокойной обстановке, является одним из ценнейших источников западного происхождения о периоде петровских реформ. Юлю можно доверять—приводимые им данные (особенно его личные наблюдения) достоверны и вполне проверяемы по другим источникам.

Выдержки из дневника Юста Юля и приведенные в биографической справке цитаты печатаются по последнему переводу: *Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711)*. Перевод с датского Ю. Н. Щербачева. М., 1900.

1709 год

Ноябрь

30-го*. Вечером в 4 часа прибыл в Нарву его царское величество при салюте из 177-ми орудий¹. Я бы охотно выехал к нему навстречу верхом как то предписывал мой долг, но коменданты по высокомерию этого не разрешили под неосновательным предлогом будто бы сами они должны доложить обо мне царю, прежде чем я к нему явлюсь. Мне поневоле пришлось подчиниться.

По приезде царь тотчас же вышел, чтоб посетить старика Зотова²—отца нарвского коменданта. Зотов некогда состоял его дядькою и в шутку прозван им патриархом. Казалось, царь очень его любит.

Я послал секретаря миссии на царское подворье попросить означенного Зотова осведомиться у царя, могу ли я ему представиться. На это комендант велел мне сказать от царского имени, что царь идет сейчас обедать к обер-коменданту и что я также могу туда явиться. Я так и сделал.

Лишь только я с подобающим почтением представился царю, он спросил меня, однако чрез посредство толмача, о здоровье моего все милостивейшего короля; я отвечал ему надлежащим выражением благодарности. Далее он осведомился, не служил ли я во флоте, на что я ответил утвердительно. Вслед за этим он тотчас же сел за стол, пригласил меня сесть возле себя

* Все даты в дневнике Юля даны автором по новому стилю.

и тотчас же начал разговаривать со мною без толмача, так как сам говорил по-голландски настолько отчетливо, что я без труда мог его понимать; со своей стороны и он понимал, что я ему отвечаю. Царь немедля вступил со мною в такой дружеский разговор, что, казалось, он был моим ровнею и знал меня много лет. Сейчас же было выпито здоровье моего всемилостивейшего государя и короля. Царь собственноручно передал мне стакан, чтобы пить эту чашу.

При нем не было ни канцлера, ни вице-канцлера, ни какого-либо тайного советника, была только свита из 8-ми или 10-ти человек. Он равным образом не вез с собою никаких путевых принадлежностей—на чем есть, в чем пить и на чем спать. Было при нем несколько бояр и князей, которых он держит в качестве шутов. Они орали, кричали, дудели, свистали, пели и курили в той самой комнате, где находился царь. А он беседовал то со мною, то с кем-либо другим, оставляя без внимания их ораание и крики, хотя нередко они обращались прямо к нему и кричали ему в уши.

Царь очень высок ростом, носит собственные короткие коричневые, вьющиеся волосы и довольно большие усы, прост в одеянии и наружных приемах, но весьма проникателен и умен. За обедом у обер-коменданта царь имел при себе меч, снятый в Полтавской битве с генерал-фельдмаршала Рейншильда. Говоря вообще, царь, как сказано в *Supplemento Curtij* об *Alexandro Magno*: «*Anxiam corporis curam faeminis convenire, dictitans quae nulla alia dote aequae commendantur, si virtutis potiri contigisset, satis se speciosum fore*»*. Он рассказывал мне о Полтавской битве, о чуме в Пруссии и Польше и говорил о содержании письма, полученного им в Торне от моего всемилостивейшего наследственного государя и короля, потом говорил, что не сомневается в дружбе моего короля. Вечер прошел в сильной выпивке, причем велись также разговоры о всяких других вещах, подлежащих скорее сообщению в секретном рапорте, чем занесению в настоящие записки.

Декабрь

1-го. По приказанию царя я кушал вместе с ним у обер-коменданта, где в ответ на мой запрос мне велено было спрятать мою верительную грамоту с тем, чтобы вручить ее только в Москве.

* В «Дополнении» у Курция об Александре Великом: «Он утверждал, что тревожные заботы о своем теле подобают женщинам, у которых кроме этого нет ничего, если же ему удастся приобрести доблесть, то он будет достаточно красив» (*лат.*):

Там царь обещал дать мне аудиенцию и выслушать мое посольство, здесь же он не имел при себе министра, а покамест я, по распоряжению царя, должен был приготовиться следовать за ним с двумя слугами в Петербург, прочих же моих людей и вещи направить другим путем на Новгород, где они должны были встретиться со мною или ждать моего приезда для дальнейшего следования со мною оттуда в Москву. День прошел в попойке, отговорки от питья помогали мало, попойка шла под оранье, крик, свист и пение шутов, которых называли на смех патриархами. В числе их были и два шута-заики, которых царь возил с собою для развлечения, они были весьма забавны, когда в разговоре друг с другом заикались, запинаясь и никак не могли высказать друг другу свои мысли. В числе прочих шутов был один по имени князь Шаховской, звали его кавалером ордена Иуды, потому что он носил иногда на груди изображение Иуды на большой серебряной цепи, надевавшейся кругом шеи и весившей 14 фунтов. Царь рассказывал мне, что шут этот один из умнейших русских людей, но при том обуян мятежным духом, когда однажды царь заговорил с ним о том, как Иуда-предатель продал Спасителя за 30 сребреников, Шаховской возразил, что этого мало, что за Христа Иуда должен был взять больше. Тогда в насмешку Шаховскому и в наказание за то, что он, как усматривалось из его слов, казалось тоже был бы не прочь продать Спасителя, если бы он жил в настоящее время, только за бо́льшую цену, царь тотчас же приказал изготовить вышеупомянутый орден Иуды с изображением сего последнего в то время как он собирается вешаться³

Все шуты сидели и ели за одним столом с царем. После обеда случилось между прочим следующее происшествие. Со стола еще не было убрано. Царь, стоя, болтал с кем-то. Вдруг к нему подошел один из шутов и намеренно высморкался мимо самого лица царя в лицо другому шуту. Впрочем, царь не обратил на это внимания. А другой шут вытер себе лицо и, недолго думая, захватил с блюда на столе целую горсть миног, которыми и бросил в первого шута, однако не попал — тот извернулся... Читателю покажется, пожалуй, удивительным, что подобные вещи происходят в присутствии такого великого государя как царь и остаются без наказания и даже без выговора. Но удивление пройдет, если примешь в соображение, что русские, будучи народом грубым и неотесанным, не всегда умеют отличать приличное от неприличного и что поэтому царю приходится быть с ними терпеливым в ожидании того времени, когда, подобно прочим народам, они научатся известной выдержке. К тому же царь охотно допускает в свое общество разных лиц, и тут-то на обязанности шутов лежит напивать в его присутствии офицеров и других служащих, с тем, чтобы из их пьяных разговоров друг

с другом и перебранки он мог незаметно узнавать об их мошеннических проделках и потом отымать у них возможность воровать или наказывать их.

После полудня царь посетил моего больного повара, приходившегося родным братом царскому повару, который был в большой милости у его величества. При этом случае царь сошел ко мне в мое помещение и осмотрел его. Спустя некоторое время после того, как царь от меня вышел, он проехал мимо моего крыльца на запятках саней, в которых сидел упомянутый выше так называемый патриарх Зотов; царь стоял сзади как лакей и проследовал таким образом по улице через весь город.

2-го. Царь кушал у унтер-коменданта Василия Зотова. Я тоже был там. На этот раз мне было позволено не пить сверх желания. После стола царь поехал в 11 мест в городе, чтобы посетить разных лиц, был, между прочим, и в моем доме; в каждом месте он оставался с час и повсюду сызнава ели и пили. Так называемые князья вели себя без стыда и совести: кричали, галдели, гоготали, блевали, плевали, бранились и даже осмеливались плевать в лица порядочным людям.

Достойно замечания, что под конец, прощаясь с бургомистром Гетте, царь весьма дружелюбно и обходительно обнял и поцеловал его.

В 10 часов вечера царь выехал из Нарвы при орудийном салюте с вала. Я немедленно последовал за ним. Лица царской свиты — все пьяные, улеглись каждый в свои сани. За городом, при громе орудий, лошади их помчались по разным направлениям, одни туда, другие сюда. В ту ночь и мои люди от меня отделились.

Вскоре после полуночи прибыли мы в Ямбург, где нам переменили лошадей. Ямбург — маленькая крепость, с ее вала был сделан салют царю, однако мрак помешал мне ее разглядеть, так как я тотчас же поехал далее. Пропутешествовал всю ночь.

3-го. В 10 часов утра прибыл в Копорье, куда царь приехал за несколько часов до меня. Там пились заздравные чаши и гремела пальба без конца. <...>

4-го. <...> У Апраксина приходилось пить много, и никакие отговорки не помогали, каждая заздравная чаша сопровождалась выстрелами. После многократных чаш, как только мы встали из-за стола, царь провозгласил здоровье моего всемилостивейшего государя и короля. При этой чаше тоже палили, но вследствие беспрестанных обращений ко мне и крика шутов, я не имел возможности сосчитать, сколько сделано было выстрелов. Число

шутов увеличилось, к тем, что находились с царем в Нарве, прибавилось еще несколько.

Обед у Апраксина был устроен по случаю дня рождения князя Меншикова.

После обеда я попросился у царя домой, чтобы просушить мои бумаги, намокшие по вышеописанному случаю в реке⁴, но разрешения от него не получил, хотя и представлял, что в числе документов находится моя верительная грамота и другие важные бумаги. Царь возражал, что о моем назначении посланником к его двору он получил письма непосредственно от короля, а потому примет меня и без верительной грамоты. После этого несколько человек получило приказание следить за мной, чтобы я как-нибудь не ускользнул.

Шла попойка, шуты орали и отпускали много грубых шуток, каковым в других странах не пришлось бы быть свидетелем не только в присутствии самодержавного государя, но даже на самых престолярных собраниях. Между тем, мне таки удалось выбраться вон. Когда дома я открыл сундук с бумагами, оказалось, что они смерзлись в один ком, ввиду чего я поскорее развернул их, разложил в теплой комнате и, взяв с собой ключ, поспешил обратно к царю. Но тут в скором времени загорелась лаборатория, стоящая напротив дома вице-адмирала Крейца⁵; в лаборатории работали над фейерверком, который предполагалось сжечь в тот вечер. И бумаги мои, чуть не погибшие утром в воде, теперь приходилось спасать от огня, ибо нет сомнения, что продлился пожар еще несколько минут, лабораторию взорвало бы на воздух, и дом, в котором мне отвели помещение, будучи построен исключительно из леса, тоже непременно сгорел бы. Когда среди общей суеты я собирал и затем снова развешивал свои бумаги, у меня их несколько штук пропало. По миновании опасности уцелевшие документы я повесил для просушки на веревку, а затем опять должен был явиться к царю.

Затем мы всю ночь напролет проездили взад и вперед, были в одиннадцати местах и всюду ели и пили в десять раз больше, нежели следовало.

Вечером в честь князя Меншикова сожжен был прекрасный фейерверк.

Кутеж, попойка и пьянство длились до 4 часов утра. Всюду, где мы проходили или проезжали, на льду реки и по улицам лежали пьяные, вывалившись из саней, они отсыпались в снег, и вся окрестность напоминала поле сражения, сплошь усеянное телами убитых.

5-го. Ничего особенного не произошло, все сидели у себя дома. Никто не знал и не хотел знать, где находится царь, так что

после вышеописанного кутежа в течение двух дней нельзя было разыскать царя и говорить с ним. В этом отношении царь так неровен, что в иное время с ним можно беседовать всюду, на улице, где бы он ни был, и со всеми он обходился, как с равными, но на другой день, если он хочет быть один, нельзя даже дознаться, где его найти, и доступ к нему так же труден, как в былые времена к персидскому царю Артаксерксу. <...>

11-го. <...> Ввиду затруднений, с какими, как объяснено выше, сопряжен порой доступ к царю, я воспользовался нынешним обедом, за которым сидел с ним рядом, чтобы, согласно приказанию моего всемилостивейшего государя и короля, переговорить с ним о разных вещах. Во время этой беседы царь весьма благосклонно и охотно слушал меня и отвечал на все, что я ему говорил. Однако известное лицо, стоявшее за нами, предостерегло меня и заверило, что само оно слышало, как царь сказал по-русски генерал-адмиралу, что в настоящее время ему очень не хочется говорить со мной о делах. Но так как поручение моего короля требовало, чтобы я снесся с царем, не упуская времени, то я продолжал разговор, и он снова стал слушать меня с прежней сосредоточенностью и вниманием⁶. Тут, зная положительно, получив, как сказано выше, заверение, что в данную минуту ему докучны мои речи, я с величайшим удивлением убеждался, до какой степени он умеет владеть своим лицом и как ни малейшей миной, ни равно своими приемами, он не выдает своего неудовольствия либо скуки.

12-го. Царь кушал у себя дома. Любопытно, что повар его бегал по городу из дома в дом, занимая для хозяйства у кого блюда, у кого скатерти, у кого тарелки, у кого съестных припасов, ибо с собой царь ничего не привез. <...>

15-го. После полудня я отправился на адмиралтейскую верфь, чтобы присутствовать при поднятии штевной на 50-пушечном корабле, но в тот день был поднят один форштевень, так как стрелы (козлы) оказались слишком слабы для подъема ахтерштевня. Царь, как главный корабельный мастер (должность, за которую он получает жалование), распоряжался всем, участвовал вместе с другими в работах и, где нужно было, рубил топором, коим владеет искуснее, нежели все прочие присутствовавшие там плотники. Бывшие на верфи офицеры и другие лица ежеминутно пили и кричали. В боярах, обращенных в шутов, недостатка не было, напротив их собралось здесь большое множество. Достоинно замечания, что, сделав все нужные распоряжения для поднятия форштевня, царь снял пред стоявшим тут

генерал-адмиралом шапку, спросил его, начинать ли и только по получении утвердительного ответа снова надел ее, а затем принялся за свою работу. Такое почтение и послушание царь выказывает не только адмиралу, но и всем старшим по службе лицам, ибо сам он покамест лишь шаутбенахт. Пожалуй, это может показаться смешным, но, по моему мнению, в основании такого образа действий лежит здоровое начало: царь собственным примером хочет показать прочим русским, как в служебных делах они должны быть почтительны и послушливы в отношении своего начальства.

С верфи царь пошел в гости на вечер к одному из своих корабельных плотников. <...>

16-го. После полудня на вышеупомянутом 50-ти пушечном корабле в присутствии царя был поднят и ахтерштевень, чего раньше сделать не могли вследствие слабости стрел. Как и в прошлый раз, всем распоряжался сам царь, выказывая генерал-адмиралу прежнее почтение. На корабле поднят был также шпангоут, потом флаг и гюйс. Гюйс был красный, с голубым из угла в угол андреевским крестом, обведенным по краям белой полоской. При этом выпалили также из орудий и произошло добрая выпивка, каковой начинаются и кончаются все русские торжества.

Затем царь, в сопровождении всех присутствующих, поехал за 5 верст от Петербурга к месту бывшего Ниеншанца, от которого еще уцелела часть вала⁷ Туда привезли два пороховых ящика, изобретенных вице-адмиралом Крейсем. Ящики были обвиты веревкой и вообще устроены наподобие тех, что на языке фейерверкеров называются mordslag. В каждом заключалось по 1000 фунтов пороха. Такими ящиками предполагалось сбивать валы и стены неприятельских крепостей и взрывать на воздух неприятельские суда. К крепостной стене ящик должен быть представлен вплотную, а к неприятельскому судну подведен в брандере и зажжен у корабельного борта. Когда подожгли привезенные ящики, приставив их к остаткам старого вала Schanter-Nie, то они пробили вал на половину его толщи, причем взрыв был так силен, что в самом Петербурге, за 5 верст⁸ от места опыта, задрожали окна, подо мною же и другими, стоявшими тут зрителями, как от землетрясения, заколебалась земля, а на Неве потрескался лед, так что когда мы возвращались домой, он во многих местах не мог нас держать, между тем как из Петербурга мы ехали по нему в безопасности. Из Ниеншанца отправились в царский дом. Пробыв там часа два, я откланялся царю и в тот же вечер пустился в путь в Новгород, где должен был найти моих людей и вещи, которые были мною туда направлены. <...>

19-го. <...> Царь, приветствуемый пальбою из орудий, приехал в Новгород в 9 часов вечера, пробыл там всего несколько часов и отправился далее на Москву. Любопытно, что, путешествуя по России, царь, ввиду малочисленности своей свиты, ездит не в качестве царя, а в качестве генерал-лейтенанта и на этот конец берет у князя Меншикова особую подорожную. Так как по всей России приказания князя исполняются наравне с царскими, то с этой подорожной царь едет день и ночь без малейшей задержки. <...>

1710 ГОД

Январь

1-го. Так как в начале настоящей войны, когда шведам случилось брать в плен русских, отнимать у них знамена, штандарты литавры и пр. или одерживать над ними верх в какой-нибудь маленькой стычке, они всякий раз спешили торжественно нести трофеи и вести пленных в Стокгольм, то этим шведы подали его царскому величеству повод действовать так же и относительно их самих. До моего приезда в Россию царь уже праздновал таким образом взятие Нарвы, Шлиссельбурга и Дерпта. На нынешней же день был назначен выезд по случаю дальнейших побед, дарованных ему Богом, и таким образом год начался для меня отрадным зрелищем: я видел, как в Москву вели в триумфе тех шведских генералов и офицеров, несли те знамена и штандарты, большая часть которых в 1700 году была в Зеландии при Хумлебеке⁹ Ибо все изменилось с 8-го июля 1709 года — с того дня, как под Полтавою его величество царь разбил наголову всю армию короля шведского, причем сам король, раненый, едва спасся от плена и бежал в Турцию.

Для нынешнего торжественного выезда шведские офицеры, знамена, штандарты и пушки были разведены на две части: на тех, что достались русским в сражении под Полтавою, и на тех, что взяты царем 9-го октября 1708 года в битве со шведским генералом Левенгауптом под Лесным, в Литве¹⁰.

Предоставляя историкам описание самих этих сражений и побед, которыми Господь Бог благословил царя, передам здесь только о состоявшемся по их случаю триумфальном выезде, насколько сумею припомнить всю его пышность, многочисленные подробности и порядок.

Когда все было готово для выезда, с городских стен и валов выпалили из всех орудий, в церквах затрезвонили во все колокола и шествие тронулось в следующем порядке. Впереди выступали:

1) Несколько трубачей и литаврщиков в красивом убранстве, с их музыкальными инструментами и литаврами.

2) За ними следовал командир Семеновской гвардии, генерал-лейтенант князь Михаил Михайлович Голицын и вел одну часть этого полка, посаженную на коней, хотя самый полк был исключительно пехотный. Заводных лошадей генерала Голицына, покрытых великолепными попонами, вели впереди. Далее следовала:

3) Полевая артиллерия, отнятая у шведов в битве с генералом Левенгауптом.

4) Все знамена и штандарты, взятые в той же битве.

5) Пленные тогда же обер- и унтер-офицеры.

6) Этот отдел шествия замыкала оставшая часть Семеновской гвардии.

7) Потом, в санях, на северных оленях и с самоедом на запятках, ехал француз Wimeni; за ним следовало 19 самоедских саней, запряженных парой лошадей или тремя северными оленями. На каждом сане лежало по одному самоеду. Это название особого народа. Они были с ног до головы облечены в шкуры северных оленей мехом наружу, у каждого к поясу был прикреплен меховой куколь. Это низкорослый, коротконогий народ с большими головами и широкими лицами. Нетрудно заключить, какое производил впечатление и какой хохот возбуждал их поезд. Смехотворное зрелище это было вставлено сюда царем по его обычной склонности к шуткам, ибо он одарен таким широким умом, что, как ни важны и ни серьезны дела, которыми он в данную минуту занят, он никогда настолько всецело ими не поглощен, чтобы среди них ему не приходили в голову разные забавные шутки и затеи. Но без сомнения шведам было весьма больно, что в столь серьезную трагедию введена была такая смешная комедия.

Чтобы можно было яснее понять значение вышеописанного поезда, скажу здесь же, кто был француз Вимени. Принадлежал он к хорошему французскому роду, но в отечестве своем испытал много превратностей и долгое время содержался в заключении в Бастилии, что отразилось на нем периодическим умопомешательством. Однако, будучи человеком обширных познаний и немало путешествовавшим, он порою разговаривал так разумно, что речи его, в которых сказывалась тонкая его наблюдательность, по занимательности не уступали беседе самого умного человека. Царь встретил его у короля польского. Вимени понравился ему своими идеями то сумасбродными, то благоразумными, ввиду чего король уступил его царю. После этого царь тотчас же поставил Вимени царем над особым народом в России — самоедами и вместо маршалов, камергеров, камер-юнкеров и других служителей назначил к нему придворный штат из самоедов же. Эта-то свита и сопровождала его на торжественном выезде. <...>

Весь поезд прошел под семью триумфальными воротами, нарочно для этого воздвигнутыми в разных местах. Пышность и величие их невозможно ни описать, ни припомнить в подробностях. Их покрывало множество красивых emblemata* или аллегорий и своеобразных карикатур, намалеванных к осмеянию шведов. Ворота эти стоили больших денег, но сам царь ничего на них не израсходовал, так как приказал некоторым богатым боярам, чтобы они возвели их на свой счет. Самые большие из ворот со всеми их аллегориями воспроизведены и описаны в печати, как полагают, в скором времени будет равным образом издано и описание всех остальных. На воротах играла прекрасная духовая музыка и раздавалось стройное пение. Молодежь, толпами встречавшая царя на всех улицах и во всех переулках, бросала к его ногам ветки и венки. Стечение народа, особенно черни, было ужасное: все хотели видеть царя и великую пышность поезда. Чуть не через дом из дверей выходили разные бояре и купцы и подносили царю напитки. Таким образом царь и его свита изобильно ели и пили на всех улицах и во всех переулках. По всему городу возле дверей домов были поставлены сосны и развешаны венки из сосновых веток. У знатных бояр и купцов ворота были расписаны красивыми аллегориями и малеваниями разнообразного содержания, по большей части направленными к осмеянию шведов. Так рисунки эти изображали орла, который молнией свергает льва с горы, льва в темнице, Геркулеса в львиной шкуре, убивающего льва, и т. п. Словом, pictores atque poetae** соединили все свое искусство, чтобы покрыть шведов позором.

Чтобы смотреть на торжественный выезд, мне и датскому посланнику Грунту, которого я приехал заместить, отвели по нашей просьбе особый дом. Когда царь проезжал мимо, я сошел вниз поздравить его и, подобно всем другим, поднес ему стакан вина, провозгласив его здоровье. Вино он от меня принял, обнял меня весьма дружески и со знаками милостивого внимания, и в конце концов поцеловал. Как царь, так и все окружающие его лица были порядком пьяны и как следует нагружены.

Затем, когда я и посланник Грунт поехали к одним из триумфальных ворот, чтобы на более близком расстоянии увидеть всю пышность поезда, посланник Грунт заметил в густой толпе народа царского государственного великого канцлера графа Гаврилу Ивановича Головкина и при этом случае я в первый раз был ему представлен Грунтом. За все время моего пребывания здесь я, несмотря на частые требования, до сих пор еще не имел с ним

* Эмблемы (лат.).

** Художники и поэты (лат.).

свидания вследствие множества всяких дел, которыми он ежедневно был занят и завален. Канцлер был совершенно пьян. Он обнял меня и поцеловал, проявляя знаками и приемами величайшую вежливость и дружеское расположение. Но так как он не знал иного языка, кроме русского, то все эти проявления вежливости выражались без речей, исключительно знаками. Он взял меня за руку, подвел к своей карете, поставленной на русский манер на полозья, усадил в нее и повез с собою. В карете между нами произошел многообразный обмен учтивостей и заверений в дружбе, проявлявшихся впрочем как с моей, так и с его стороны в одних жестах и минах, ибо на словах ни он, ни я друг друга не понимали. Мы проехали таким образом порядочный конец, как вдруг мимо нас во весь опор проскакал царь. Лицо его было чрезвычайно бледно, искажено и уродливо. Он делал различные страшные гримасы и движения головою, ртом, руками, плечами, кистями рук и ступнями.

Тут оба мы вышли из кареты и увидели, как царь, подъехав к одному простому солдату, несшему шведское знамя, стал безжалостно рубить его обнаженным мечом и осыпать ударами, быть может, за то, что тот шел не так, как хотел царь. Затем царь остановил свою лошадь, но все продолжал делать описанные страшные гримасы, вертел головой, кривил рот, заводил глаза, подергивал руками и плечами и дрыгал взад и вперед ногами. Все окружавшие его в ту минуту важнейшие сановники были испуганы этим, и никто не смел к нему подойти, так как все видели, что царь сердит и чем-то раздосадован. Наконец к нему подъехал верхом его повар Иоган фон Фельтен и заговорил с ним. Как мне после передавали, вспышка и гнев царя имели причиною то обстоятельство, что в это самое время его любовница, или *maitresse*, Екатерина Алексеевна рожала и была так плоха, что опасались за благополучный исход родов и за ее жизнь.

После сего случая канцлер простился со мною легким кивком, приветливым жестом и немного словами, причем по-прежнему ни он, ни я не поняли друг друга, сел в свою карету и оставил меня одного среди улицы, позабыв, что увез меня от моей повозки и ото всех моих людей.

День клонился к вечеру, я был один в чуждой, незнакомой толпе и, не понимая местного языка, не знал, что предпринять, до моего дома оставалось добрых полмили, и я, вероятно, погиб бы среди этого множества людей, почти поголовно пьяных, или был бы ограблен и убит уличными разбойниками, которыми повсюду кишит город, если бы на меня случайно в то время, как я стоял один среди улицы, не наткнулся мой дворецкий и толмач Христиан Эйзентраут. Он нанял для меня простого санного извозчика из тех, что за копейку-две развозят

по разным концам города седоков, куда кому требуется, и я поехал домой, вознося благодарение Богу за таковое избавление от грозившей мне опасности¹¹.

Описанные выше страшные движения и жесты царя доктора зовут конвульсиями. Они случаются с ним часто, преимущественно когда он сердит, когда получил дурные вести, вообще когда чем-нибудь недоволен или погружен в глубокую задумчивость. Нередко подобные подергивания в мускулах рук находят на него за столом, когда он ест, и если при этом он держит в руках вилку и ножик, то тычет ими по направлению к своему лицу, вселяя в присутствующих страх, как бы он не порезал или не поколол себе лица. Говорят, что судороги эти происходят у него от яда, который он будто бы проглотил когда-то; однако вернее и справедливее предположить, что причиною их является болезнь и острота крови и что эти ужасные на вид движения — топание, дрыгание и кивание — вызываются известным припадком сродни апоплексическому удару.

Вечером по всему городу у домов знатных лиц были зажжены иллюминации, изображавшие разного рода аллегории. Потом они зажигались в течение всей зимы, пока вечера были долгие, и горели чуть не ночи напролет.

Упомянув о царской любовнице Екатерине Алексеевне, я не могу пройти молчанием историю ее удивительного возвеличения, тем более, что впоследствии она стала законною супругой царя и царицею.

Родилась она от родителей весьма низкого состояния, в Лифляндии, в маленьком городке Мариенбурге, милях в шести от Пскова, служила в Дерпте горничною у местного суперинтенданта Глюка и во время своего нахождения у него помолвилась со шведским капралом Мейером. Свадьба их совершилась 14-го июля 1704 года, как раз в тот день как Дерпт достался в руки царю. Когда русские вступали в город и несчастные жители бежали от них в страхе и ужасе, Екатерина в полном подвенечном уборе попала на глаза одному русскому солдату. Увидав, что она хороша, и сообразив, что он может ее продать (ибо в России продавать людей — вещь обыкновенная), солдат силою увел ее с собою в лагерь, однако, продержав ее там несколько часов, он стал бояться, как бы не попасть в ответ, ибо, хотя в армии увод силою жителей дело обычное, тем не менее он воспрещается под страхом смертной казни. Поэтому, чтоб избежать зависти, а также угодить своему капитану и со временем быть произведенным в унтер-офицеры, солдат подарил ему девушку. Капитан принял ее с большою благодарностью, но в свою очередь захотел воспользоваться ее красотой; чтобы попасть в милость и стать угодным при дворе, и привел ее к царю

как к любителю женщин в надежде стяжать этим подарком его милость и быть произведенным в высший чин. Царю девушка понравилась с первого взгляда и через несколько дней стало известно, что она сделалась его любовницей. Впрочем сначала она была у него в пренебрежении и лишь потом, когда родила ему сына, царь стал все более к ней привязываться. Хотя младенец и умер, тем не менее Екатерина продолжала пользоваться большим уважением и быть в чести у царя. Позднее ее перекрестили, и она приняла русскую веру. Первоначально она принадлежала к лютеранскому исповеданию, но, будучи почти ребенком и потому мало знакомая с христианской верою и со своим исповеданием, она переменяла веру без особых колебаний. Впоследствии у нее родились от царя две дочери, обе они и теперь живы. В свое время и в своем месте будет подробно сказано, как Екатерина стала царицей. Настоящего ее мужа, с которым она была обвенчана, звали, как сказано, Мейером. С тех пор, продолжая состоять на шведской службе, он был произведен в поручики, а потом его, вероятно, подвинули еще выше, так как он все время находился при шведских войсках в Финляндии.

Этот рассказ о Екатерине¹² передавали мне в Нарве тамошние жители, хорошо ее знавшие и знакомые со всеми подробностями ее истории.

7-20. <...> Тут же князь Меншиков представил меня своей княгине, приказав поцеловать ее по русскому обычаю в губы, ибо в России есть такой обычай, что когда кто-нибудь хочет оказать гостю или чужому честь, он приказывает своей жене поцеловать его в губы <...>.

Крайнего удивления достойно, что перед своим уходом князь Меншиков поцеловал всех принцев и цариц в губы и что молодые царевны устремились к нему первые, стараясь наперегонки поцеловать у него на прощание руку, которую он им и предоставил. Вот до чего возросло высокомерие этого человека, с тех пор как, поднявшись с самых низких ступеней, он стал в России значительнейшим человеком после царя!

Не могу кстати не сказать несколько слов о восхождении и счастии Меншикова. Родился он в Москве от весьма незначительных родителей. Будучи подростком лет 16-ти, он, подобно многим другим московским простолюдинам, ходил по улицам и продавал так называемые пироги. Это особого рода пироги из муки, печеные на сале и начиненные рыбою, луком и т. п.; продают их по копейке или по денежке, т. е. полкопейке. Случайно узнав этого малого, царь взял его к себе в денщики, т. е. лакеи, потом, оценив его особенную преданность, пыл и расторопность, стал постепенно назначать его на высшие должности в армии,

пока наконец теперь не сделал его фельдмаршалом. Кроме того, царь пожаловал его сначала бароном, потом графом, наконец сделал князем Ингерманландским. Вслед за этим и Римская империя возвела его в имперские князья, без сомнения для того, чтобы заручиться расположением сановника, пользующегося таким великим значением у царя. В сущности Меншиков самый надменный человек, какого только можно себе представить, содержит он многочисленный двор, обладает несметным богатством и большими широкораскинутыми поместьями, не считая княжества Ингерманландского, презирает всех и пользуется величайшим расположением своего государя. Уровень ума его весьма посредственный и во всяком случае не соответствующий тем многочисленным важным должностям, которые ему доверены. Между прочим он состоит также гофмейстером царевича, который в бытность мою в России путешествовал за границей и находился в Саксонии. Князь Меншиков говорит порядочно по-немецки, так что понимать его легко и сам он понимает, что ему говорят, но ни по-каковски ни буквы не умеет ни прочесть, ни написать, может разве подписать свое имя, которого впрочем никто не в состоянии разобрать, если наперед не знает, что это такое. В таком великом муже и полководце, каким он почитается, подобная безграмотность особенно удивительна¹³.

8-го. Был у канцлера Головкина, но не застал его дома: он находился в свите царя и вместе с ним «славил». «Славить» — русское слово. Означает оно хвалить. Чтобы объяснить его значение обстоятельнее, я должен сообщить следующее.

Обыкновенно, от Рождества и до Крещения, царь со знатнейшими своими сановниками, офицерами, боярами, дьяками, шутами, конюхами и слугами разъезжает по Москве и «славит» у важнейших лиц, т. е. поет различные песни, сначала духовные, а потом шутовские и застольные. Огромным роем налетает компания в несколько сот человек в дома купцов, князей и других важных лиц, где по-скотски обжирается и через меру пьет, причем многие допиваются до болезней и даже до смерти. В нынешнем году царь и его свита «славили» между прочим и у князя Меншикова, где по всем помещениям расставлены были открытые бочки с пивом и водкой, так что всякий мог пить сколько ему угодно. Никто себя и не заставил просить: все напились как свиньи. Предвидя это, князь, по весьма распространенному на русских пирах обычаю, велел устлать полы во всех горницах и залах толстым слоем сена, дабы по уходе пьяных гостей можно было с большим удобством убрать их нечистоты, блевотину и мочу. В каждом доме, где собрание «славит», царь и важнейшие лица его свиты получают подарки. Во все время пока длится

«слава», в той части города, которая находится поблизости от домов, где предполагается «славить», для славящих, как для целых рот пехоты, отводятся квартиры, дабы каждое утро все они находились под рукою для новых подвигов. Когда они выславят один край города, квартиры их переносятся в другой, в котором они намерены продолжать «славить». Пока продолжается «слава», сколько ни хлопочи, никак не добьешься свидания ни с царем, ни с кем-либо из его сановников. Они не любят, чтоб к ним в это время приходили иностранцы и были свидетелями подобного их времяпрепровождения. Как мне говорили, «слава» ведет свое начало от обычая древнегреческой церкви собираться вместе на Рождество и, отдаваясь веселью, петь «слава в вышних Богу» в воспоминание того, как рождению Христа радовались пастухи в поле. Обычай этот перешел в русскую и другие греческие церкви, но впоследствии выродился подобно большей части божественных обычаев и обрядов в суетное и кощунственное пение, вперемежку духовных и застольных песен, в кутеж, пьянство и всякие оргии. <...>

12-го. По русскому стилю был Новый год. С утра царь прислал мне сказать, чтобы я, по принятому обычаю, пришел к нему или в собор, или же к тому месту, где стоял фейерверк, который предполагалось сжечь вечером. Я отправился к нему в собор — главную здешнюю церковь. Она весьма красива и пышна. В ней висит восемь больших круглых серебряных паникадил, выбивной, чеканной работы, с восковыми свечами. Посередине церкви спускается большая серебряная люстра, локтей 14-ти вышиной, высокие ветви ее расположены семью венцами, нижние имеют в длину локтя три, а нижний круг, к которому они прикреплены, равен в обхвате большой винной бочке. Службу совершал митрополит Рязанский¹⁴, он же и вице-патриарх (ибо, по смерти последнего патриарха, царь не захотел утверждать нового, ввиду великой власти и многочисленных сторонников, которых имеют в России патриархи)¹⁵. Митрополит служил по-русски, приемы его напоминали приемы наших священников. Любопытно, что царь стоял посреди церкви вместе с прочей паствой, и хотя обыкновенно он носит собственные волосы, однако в тот раз имел на голове старый парик, так как в церкви, когда ему холодно голове, он надевает парик одного из своих слуг, стоящих поблизости, по миновании же в нем надобности отдает его кому-нибудь по соседству. На царя был орден Св. Андрея, надеваемый им лишь в редких случаях. Он громко пел наизусть, так же уверенно, как священники, монахи и псаломщики, имевшие перед собой книги, ибо все часы и обедню царь знает как «Отче наш».

По окончании службы царь поехал со всем своим придворным штатом к тому месту, где вечером должен был быть сожжен фейерверк. Там для него и для его двора была приготовлена большая зала, во всю длину которой по сторонам стояло два накрытые для пир стола. В зале возвышались также два больших поставца с серебряными позолоченными кубками и чашами, на каждом было по 26-ти серебряных позолоченных блюд, украшенных искусною резьбой на старинный лад, не говорю уже о серебре на столах и о больших серебряных подсвечниках выбивной работы.

Сняв с себя орден, царь сел за стол. Тотчас после него сели прочие, где попало, без чинов, в том числе и офицеры его гвардии, до поручиков включительно. Как Преображенская гвардия, так и Семеновская стояли в ружье снаружи. За одним этим столом сидело 182 человека. Мы просидели за столом целый день, сев за него в 10 часов утра и поднявшись лишь два часа спустя после наступления темноты. Царь два раза вставал из-за стола и подолгу отсутствовал¹⁶. Пили разные чаши, причем стреляли из орудий, поставленных для этой цели перед домом. Забавно было видеть, как один русский толстяк ездил взад и вперед по зале на маленькой лошади и как раз возле царя стрелял из пистолета, чтобы при чашах подавать сигнал к пушечной пальбе. По зале лошадку толстяка водил под уздцы калмык. Пол залы на русский лад был устлан сеном по колена¹⁷.

Тут царь показывал мне меч, весь с клинком и рукоятью сработанный в России, из русского железа и русским мастером. Меч этот царь носил при бедре. Он рассказывал мне, что накануне с одного удара разрубил им пополам барана, поперек спины. <...>

30-го. <...> После полудня царь ел у посланника Грунта, где присутствовал и я. Тут случилось любопытное приключение, которое я не хочу пройти молчанием. У царя есть повар, Иоаган фон Фельтен, уроженец графства Дельменгорст. Так как он весьма щекотлив и притом не любит шведов, то царь постоянно преследует его и дразнит, называя шведом, хотя, в сущности, весьма к нему милостив и внимателен. Так было и здесь: царь начал его дразнить, браня шведом, но Фельтен убежал от него под мою защиту, прося ходатайствовать у царя, чтобы он перестал его дразнить. Но царь зажал мне рот, потребовав, чтобы я за него не просил, так как Фельтен будто бы швед. Когда же повар закричал, что нет, что он родился в Дельменгорсте, то царь возразил: «Ты швед, потому что родился в Бремене, в Вердене». Этим он без сомнения намекал на посланника Грунта, который действительно оттуда родом¹⁸.

31-го. Так как царь самоедов, француз Вимени, о котором пространно говорилось под первым января, опившись во время «славы», скончался, то царь, с особой заботливостью относящийся к своим придворным (а Вимени считался одним из них) и всегда, если он только не в отсутствии, провожающий до могилы прах последнего из своих слуг, приказал устроить ему замечательнейшие похороны, какие вряд ли были виданы ранее. Сам царь, князь Меншиков, генерал-губернатор, великий канцлер и вице-канцлер, московский комендант и много других важных лиц, одетые поверх платья в черные плащи, провожали покойного, сидя на описанных под первым января самоедских санях, запряженных северными оленями и с самоедом на запятках. Сани эти сбиты из двух длинных кусков дерева и нескольких поперечных поверх их перекладин, на которых лежит доска, слегка устланная сеном. На царе, как и на всех других провожавших, поверх его коричневой повседневной одежды, был черный плащ, а всегдашняя его шапка повязана была черным флером. В таком порядке покойника отвезли в католическую церковь, ибо он был католиком. Там отпевал его и служил над ним один иезуит. Католическая церковь весьма красивая, каменная, находится в Немецкой Слободе. Трудно описать, до чего смешон был этот похоронный поезд как на пути в церковь, так и по дороге обратно.

После полудня царь вместе с великим канцлером и вице-канцлером пришел ко мне на дом для тайных переговоров и по окончании конференции пробыл у меня до 8-ми часов вечера.

Февраль

5-го. Царь катался по Немецкой Слободе. Он велел привязать друг к другу 50 с лишком незапряженных саней и лишь в передние, в которых сидел сам, приказал запрячь десять лошадей, в остальных санях разместились важнейшие русские сановники. Забавно было видеть, как, огибая угловые дома, сани раскатывались и то тот, то другой седок опрокидывался. Едва успеют подобрать упавших, как у следующего углового дома опять вывалятся человек десять, двенадцать, а то и больше. Царь любит устраивать подобного рода комедии — даже, как сказано выше, и тогда, когда занят самыми важными делами, которыми между тем ведает один, ибо как на суше, так и на море должен сам все делать и всем распоряжаться, притом решать и текущие государственные вопросы. Что же касается его невежественных, грубых подданных, то от них царь имеет мало помощи, зато лично

одарен столь совершенным и высоким умом и познаниями, что один может управлять всем. <...>

11-20. Уведомившись рано утром, что для сопровождения меня на аудиенцию великий канцлер Головкин прислал ко мне лишь секретаря, я, ввиду отсутствия в данном случае всякой торжественности, предпочел отправиться на аудиенцию один, почему и велел сказать секретарю, что я еще не готов, что прошу его ехать вперед, а что сам поеду через час. Затем секретарь уехал. Спустя некоторое время, отправился и я в Преображенскую слободу, или предместье, где находился царь в своем убогом упомянутом и описанном выше доме. У дверей, лишь только я прибыл, встретил меня секретарь и повел на так называемый Головкинский двор, находящийся шагах во ста от царского домика. Когда граф Головкин прислал мне сказать, что пора на аудиенцию, я поехал на царское подворье в экипаже, а секретарь предшествовал мне пешком. Как я вошел в комнату, смежную с царской, граф Головкин вышел ко мне туда, встретил меня и ввел к царю. Не будучи еще готов, царь стоял полуодетый, в ночном колпаке, ибо о церемониях он не заботится и не придает им никакого значения или по меньшей мере делает вид, что не обращает на них внимания. Вообще в числе его придворных нет ни маршала, ни церемониймейстера, ни камер-юнкеров и аудиенция моя скорее походила на простое посещение, нежели на аудиенцию. Царь сразу, безо всякого обмена предварительных комплиментов начал говорить о важных предметах и с участием вице-канцлера стал обсуждать государственные дела. При этом, не соблюдая никакого порядка, мы то прохаживались взад и вперед по комнате, то стояли на месте, то садились.

Предместье, где находится царский дом, в котором царь дал мне аудиенцию, называется Преображенской слободой, ибо состоит она из бараков и домов Преображенского полка, главной царской гвардии. Когда полк в Москве, в Преображенской слободе живут его офицеры и солдаты, когда он в походе, там остаются их жены и дети. Среди этих-то бараков, на маленьком холме, стоит деревянный царский домик¹⁹, вокруг него расставлено небольшое количество металлических пушек.

Накануне капитан царского флота, норвежец Вессель, пригласил меня на свою свадьбу, но в самый день свадьбы царь с утра послал сказать всем званым, в том числе и мне, что произойдет она в доме князя Меншикова и что мы имеем явиться туда. Жених и невеста, ввиду предстоящих им новых приготовлений по этому случаю, пришли в немалое замешательство. Маршалом на свадьбе был сам царь, а я, по русскому обычаю, посаженным отцом жениха. Царь охотно соглашается бывать маршалом

на свадьбах, чтобы не быть вынужденным подолгу сидеть на одном месте: вообще продолжительное занятие одним и тем же делом повергает его в состояние внутреннего беспокойства. В качестве маршала царь с маршальским жезлом в руке лично явился за женихом и невестой и повел их венчаться.

На свадьбе было весело, танцевали все попеременно: господа и дамы, девки и слуги. Царь, как уже много раз бывало на подобных собраниях, неоднократно являл мне знаки великой и особой своей милости. Вечером он сам сопровождал молодых домой. По пути, на улицах пили и весело плясали под звуки музыки. <...>

28-го. <...> Так как царь почти всегда путешествует с весьма малочисленной свитой, то он обыкновенно тщательно ото всех скрывает время своего отъезда, с одной стороны для того, чтобы оберечься от злоумышленников, с другой — чтобы неожиданно являться на место, куда едет, и проверять, все ли там сделано согласно его велениям. Таким же образом поступил он и теперь, перед отъездом своим в Петербург. Однако, как ни соблюдалась тайна, все же можно было заподозрить, что он уедет в тот самый вечер. Правда министры, которых я расспрашивал насчет этого, уверяли будто они ничего не знают, но в сущности это была ложь, потому что позднее, уходя со свадьбы, царь говорил присутствующим: «Прости, прости», как бы указывая тем, что со всеми расстанется. Затем он тотчас же сел в сани и поехал прямо в Петербург, без министров и свиты в сопровождении всего двух-трех слуг. Выбыл он из Москвы в полночь.

Март

29-го. Я крестил сына у морского капитана Сиверса. Царь держал ребенка над купелью. На крестинах, родинах, свадьбах, похоронах и т. п. царь охотно бывает у своих офицеров, какое бы незначительное положение ни занимал тот, кто его зовет, и это чрезвычайно удобно для иностранных посланников, ибо им никогда не выдается более удобного случая говорить с царем, как на подобных пирах у офицеров и у купцов, где они порой решают дела так же успешно, как на особо назначенной тайной конференции. При дворе же, в противоположность обычаю, принято в других странах, не назначено определенного времени для переговоров с царем. Его даже трудно захватить дома. Когда он хочет быть один, все скрывают, что он у себя, и нередко возвращаешься из дворца, не сделав дела. Впрочем, иной раз и то случается, что встретишь кого-либо из царских денщиков

или слуг, дружбой которых успел заручиться ранее совместным пьянством и небольшими подарками, и денщик этот без доклада ведет вас прямо к царю и впускает к нему. Но если только дорожит он жизнью, то не осмелится сделать это в дни, когда знает, что царь хочет быть один. Однако подобная необходимость видется с царем в гостях, на пирах и проч., дорого обходится здоровью посланников, так как на этих собраниях их принуждают пить во что бы то ни стало. <...>

30-20. Мало того, что царь любит, чтобы его постоянно звали в гости, порой он неожиданно является и сам, без приглашения, для каковых случаев надо всегда иметь в запасе известное количество продовольствия и крепких напитков. Сегодня царь явился таким образом без зова ко мне и был весьма весел.

Будучи приглашен к кому-либо или приходя по собственному побуждению, царь обыкновенно сидит до позднего вечера, тут-то и представляется отличный случай болтать с ним о чем угодно. Не следует, однако, забывать его людей: их должно хорошенько накормить и напоить, потому что царь, когда уходит, сам спрашивает их, давали ли им чего-нибудь. Если они изрядно пьяны, то все в порядке. Царь любит также, чтобы при подобных случаях делали его слугам подарки, ибо, получая небольшое жалованье, находящиеся при нем лица вынуждены жить от такого рода подачек.

Апрель

4-20. Нева вскрылась с такой силой, что в течение одного утра фарватер совершенно очистился от льда.

Русские с замечательным бесстрашием и безрассудной смелостью переходят Неву в то время, как лед уже взламывается: они видят это, знают, что лед уносится в одно мгновение, и все же идут, пока только он держится. Самая стража, расставляемая по реке для предупреждения несчастий, не может устеречь смельчаков. Сегодня из-за подобной отважности женщина с ребенком на руках и четверо других людей были унесены на оторвавшейся льдине, потом их, впрочем, спасли.

По словам моряков, служащих в царском флоте, Нева ежегодно вскрывается около этого дня.

Когда еще, вследствие сильного ледохода, не представлялось почти возможности плыть по реке, царь не без опасности перешел через нее первым на своем голландском буере, как всегда это делает, если при вскрытии Невы находится в Петербурге. Царь и назад прошел благополучно. Судном управлял он сам, делая на нем все необходимые распоряжения.

25-20. Утром, пользуясь хорошим ветром, царь катался на своем буере и так как после полудня, вернувшись с прогулки, он остался на судне, чтобы с большим удобством предаться там веселью, то я съездил к нему на буере. Тут царь тотчас же заставил меня выпить, приветствуя меня с благополучным прибытием, четыре больших пивных стакана разных крепких горячительных вин, от каковых я не мог отмотиться ни просьбами, ни хныканьем, ни сетованиями, ибо на царя находит иногда такой стих, что он принуждает людей пить через край и во что бы то ни стало. Хотя я и чувствовал, что вино не пойдет мне впрок, однако и в этот раз, как почти всегда, должен был подчиниться. Впрочем, если, живя в России, избегать собраний, где таким образом пьют, то нельзя привести к окончанию ни одного важного дела, ибо, как уже сказано, все серьезнейшие вопросы решаются за попойками. <...>

Май

2-20. <...> Царь не желает пользоваться титулом величества, когда находится на судне, и требует, чтобы в это время его называли просто шаутбенахтом. Всякого ошибившегося в этом он немедленно заставляет выпить в наказание большой стакан крепкого вина. Привыкши постоянно величать царя надлежащим титулом, я и другие лица часто обмолвливались, за что сверх многих круговых чаш должны были выпивать еще и штрафные. При царе находились также люди, которые понуждали гостей пить в промежутках между заздравными чашами.

Тут, между прочим, со мной приключился следующий случай. Царский ключник поднес мне большой стакан вина, не зная, как от него отвязаться, я воспользовался тем, что ключник стар, неловок, толст, притом обут лишь в туфли, и чтобы уйти от него вздумал убежать на переднюю часть судна, затем взбежал на фокванты, где и уселся на месте скрепления их с путельсвантами. Но когда ключник доложил об этом царю, его величество полез за мною сам на фокванты, держа в зубах тот стакан, от которого я только что спасся, уселся рядом со мной и там, где я рассчитывал найти полную безопасность, мне пришлось выпить не только стакан, принесенный самим царем, но еще и четыре других стакана. После этого я так захмелел, что мог спуститься вниз лишь с великой опасностью. <...>

21-20. Почти весь день провел на судне у царя. Там в гостях у него был весь генералитет: генерал-адмирал Апраксин, петербургский комендант генерал-адмирал Брюс, подполковник Пре-

ображенного полка генерал-майор von Kircken и генерал-майор Birkholtz, в этом собрании находился и я. Такой великой и здоровой попойки и пьянства, как здесь, еще не бывало. Когда я отказывался пить, ко мне подходил сам царь, ласкал и целовал меня, одной рукой обхватывал мне голову, другой держал у моего рта стакан и так упрасивал, столько произносил ласковых слов, что я наконец выпивал вино. Я пытался убраться тайком незамеченным, дважды был уже в своей шляпке, но, прежде чем успевал отвалить, в нее спускался сам царь и приводил меня назад. Потом он приказал вахте при трапе следить, чтобы без особого его разрешения ни одна лодка не покидала судна. Этим отнималась у меня последняя возможность бегства. Продолжая таким образом пить без остановки, я напился чрез край, так что наконец должен был выйти из каюты на палубу, ибо желудок мой не мог вмещать всего того, чем был переполнен. Тут, когда меня, salvo honore*, рвало, ко мне подошли два лица, которых в ту минуту, вследствие опьянения, я не был в состоянии признать, да и до сегодняшнего дня наверное назвать не могу, догадываюсь только, что это были датские морские офицеры, находившиеся на царской службе, ибо я хорошо помню, что они обращались ко мне по-датски. Лица эти заявили, что царь велел им привести меня к нему, но я извинился и отвечал им, что, видя мое положение, они сами сумеют объяснить царю причину моего неприхода. На этот раз они оставили меня, но вскоре пришли снова с тем же требованием. Ответ мой был прежний. Я усердно убеждал и просил их принять во внимание, в каком я виде, и дать мне немного оправиться, заверяя, что на это потребуется самый короткий срок и что затем я с удовольствием явлюсь к царю. Но теперь, быть может из опасения, как бы не прогневить царя, вернувшись к нему с новым отказом, они решили привести меня силой. Сначала взялись они за меня осторожно и принялись оттаскивать от корабельного релинга, на который я опирался, я же, крепко за него ухватившись, продолжал ласково увещевать их. Но тут они крепко меня схватили, я же, сопротивляясь, для большего устоя уцепился за одну из бизангитовых. Между тем, в помощь к первым двум офицерам подоспело еще несколько человек, и как они начали дергать меня довольно грубо, я под влиянием хмеля и озлобления выпустил из рук веревку, за которую держался, и выхватил из ножен шпагу. Я никого не рубил, не колол ею, ниже ранил кого-нибудь и только хотел их напугать. Действительно, все меня оставили и я остановился, прислонившись спиной к борту. В это время ко мне подошел царь, не в меру пьяный как и я, и в грубых выражениях пригрозил пожаловаться

* В качестве достойного вознаграждения (лат.).

на меня моему всемилостивейшему королю за то, что я в его присутствии обнажил шпагу. В сердцах, пьяный, я со своей стороны ответил ему тоже не особенно мягко, что имею гораздо более оснований сетовать на тех, которые таким образом хотят действовать относительно меня насилием. Затем царь велел мне отдать ему мою шпагу. Тут я, однако, настолько опомнился, что исполнил его приказание, протянув ему оную эфесом вперед. Царь гневно взял ее и убежал с ней в каюту. Вскоре он распорядился, чтобы вахта отпустила меня на «Александр», куда я и вернулся. Вечером посланник Фицтум, приехав на судно, привез мне обратно мою шпагу. Ко времени его возвращения я успел немного выспаться и тут подробно переговорил с ним по этому делу. Я сказал, что хотя ввиду такого обращения со мной я имел бы полное основание отстраниться от царского двора впредь до получения от моего всемилостивейшего государя и короля приказание в ответ на мой отчет о настоящем вопросе, тем не менее считая непозволительным по обстоятельствам времени затевать раздор, я, конечно, предпочитаю принять вину на себя, вследствие чего прошу его съездить на следующий день на судно к царю и, извинившись за меня в случившемся, ходатайствовать, чтобы его величество предал все дело забвению, как во внимание к тому, что я дважды пытался съехать с «Лизеты»²⁰, но, как известно самому царю, не получил разрешения, и что если бы меня отпустили, всего этого не случилось бы, так и ввиду того, что сказанные мной ему слова могли бы зачесться за те резкие речи, с которыми сам он ко мне обратился.

22-го. Как было между нами условлено с вечера, посланник Фицтум отправился рано утром к царю и извинился за меня в приведенном выше смысле. С ответом он прибыл назад тотчас же. Царь сказал ему, что вчера и сам был пьян, а потому ничего не помнит и о случившемся знает только от других, что если он меня чем обидел, то просит у меня прощения, со своей же стороны от всего сердца отпускает мне все, что было мной сказано и сделано, и приглашает немедленно к нему приехать, чтобы с ним помириться. Засим я поспешил к царю вместе с посланником Фицтумом. Когда я попросил его величество простить меня за вчерашнее, он обнял меня и поцеловал.

«Камрат, — сказал он (царь почти всегда называет меня камратом), — от всего сердца прощаю вам то, в чем вы, быть может, предо мной виноваты, но и вы должны простить меня, если я в чем-либо провинился пред вами, и более про то не вспоминать». Обращался он ко мне совсем как к равному.

И таким образом этот неприятный инцидент был вполне улажен, а затем мы сызнава принялись весело пить. Более под-

робный отчет об этом деле я не замедлил сообщить в тот же день шифром тайному советнику Сегестеду, не затем, чтобы жаловаться, ибо вопрос, как сказано, был исчерпан, но множество посторонних лиц были свидетелями вчерашнего происшествия и оно чрез них несомненно огласилось бы, а потому, не признавая за собой вины во всей этой истории, я опасался подать своим молчанием повод к предположению, что я хочу ее скрыть, ввиду будто бы моей виновности.

Позднее я узнал, почему царь не хочет принимать от меня никаких отговорок, когда таким образом принуждает меня пить. Некто, из личного расчета, искал поселить неприязнь между мной и царем и вызвать его немилость ко мне, дабы тем помешать исполнению дел, возложенных на меня королем. Для этого лицо сие уверило царя, что, собственно, я могу пить, только не хочу и что нередко притворяюсь пьяным, чтобы меня больше не поили и чтобы мне удобнее было подслушивать других. На одном собрании царь подошел ко мне и поднес большой стакан вина, очень прося его выпить. Я был уже сильно пьян и, ссылаясь на это обстоятельство, стал отмаливаться. Но царь сказал, что это чаша моего короля и прибавил, что я не верный слуга ему, если ее не выпью. Вследствие таковых слов я, несмотря на весь свой хмель, принял стакан и выпил его. На основании этого царь утвердился в своем мнении обо мне и тут же сказал сидевшим возле него лицам — бывший в их числе один мой приятель впоследствии передал мне это, — что когда провозглашается здоровье моего короля или когда мне самому хочется пить, то я пить могу, когда же он, царь, меня об этом просит, я отказываюсь. С тех пор он так и остался при убеждении, что на самом деле я выносливее, чем хочу это показать. <...>

Июнь

16-20. В этот же день из-под Выборга получено известие, что русские с первого же дня, как принялись обстреливать город, открыли в его валу такую широкую брешь, что в нее мог бы пройти батальон в боевом порядке. Лицам, заведывающим осадой, успех этот достался легко, так как перед своим отъездом из-под Выборга царь, осмотрев в два приема во время приостановок военных действий все в траншеях, каждого научил, как ему взяться за дело — генерал-адмирала, инженеров и артиллерийских офицеров, ибо он весьма прозорлив, отлично все знает и имеет верный взгляд на все. Нет сомнения, что без его указаний все было бы сделано навыворот. Вообще, всякая мера, военная или гражданская, должна быть обсуждена царем. Он и сам это видит

и прекрасно сознает. Нередко, когда в доверительных беседах между мной и ним речь заходила о счастии и подвигах великих государей, царь отдавал справедливость многим правителям и государям, в особенности королю французскому, говоря, что они заслуживают величайшей славы и что ввиду их великих деяний отнять ее у них нельзя, но, прибавлял он, большая часть этих государей, в том числе и французский король, обязаны своими успехами многим разумным и смышленным людям, состоявшим у них на службе. Советами таких людей они могли пользоваться во всех, даже в наиважнейших государственных вопросах, между тем как он, царь, с самого вступления своего на престол, в важных делах почти что не имеет помощников, вследствие чего поневоле заведует всем сам. Ему-де приходится обращать скотов в людей (скотами царь называет природных своих подданных)²¹ и предводительствовать ими в войне с одним из могущественнейших мудрейших и воинственнейших народов в мире. В сущности, это справедливо, и остается только удивляться, с одной стороны, уму этого человека, правящего всем самолично, с другой — природным его силам, благодаря которым он без утомления выносит все заботы и труды, выпадающие на его долю. <...>

Июль

1-го. После полудня часть войск двинулась из-под Выборга: одни полки пошли под Кексгольм, другие обратно в Санкт-Петербург. В числе последних была и царская гвардия, Преображенский полк. Будучи полковником этого полка, царь сам повел его через город. По русскому обыкновению, преображенцам на их пути выносили водку и другие напитки. Любопытен разговор, происшедший между царем, мною и польским и прусским посланниками у дверей дома генерал-майора Долгорукова, где полк тоже остановился, чтобы пить. Царь рассказал, что он и названный Долгорукий, женившись в один и тот же день, подверглись одной участи: каждый обрел негодную жену. Затем царь шутливым тоном прибавил, что, оценив все благочестие своей супруги и желая облегчить ей возможность вести честную жизнь, он постриг ее в монахини. Говорил он это, смеясь. Царь на самом деле заключил свою жену в монастырь, так как она присоединилась к партии лиц, противодействовавших тем реформам, которые он стремился ввести для развития своего народа и для собственной славы, как-то: перемене платья, насаждению иностранных обычаев и нравов и проч. Заметив это, царь, который и без того не особенно любил ее и женился на ней, когда он

был еще совсем молод, против склонности своего сердца и лишь в угоду своей матери, дал ей понять, что самое для нее лучшее — это идти в монастырь²². Она согласилась из опасения, как бы с ней не приключилось чего худшего, по истинным ее заслугам. И таким образом царь получил полный развод: ибо в России как муж, так и жена, если хотят вести богобоязненную, тихую жизнь, могут по желанию идти в монастырь, но через это брак их расторгается окончательно, причем сторона, оставшаяся в мире, может вступить в новый брак, как бы в качестве вдовца или вдовы, а сторона, ушедшая от мира, обязана всю остальную жизнь хранить безбрачие и пребывать в иночестве.

За городом царь испытывал особого рода мушкетоны, им самим выдуманные. Они снабжены камерой и стреляют картечным зарядом в 32 маленьких пульки. Мушкетонов этих при каждой роте царской гвардии имеется 8—10 штук.

Выведши полк и вернувшись из-за города, царь поднимался на самый верх укрепленной башни, называемой Герман. Орудия на этой башне расположены в пять ярусов, друг над другом, стреляли они в осаждающих поверх посада Сихенгейма и причиняли им большой урон. Большое количество бутылок вина, водки и пива сопровождало царя на башню. На каждой из пяти ярусных площадок было выпито их помногу, но всего более на верхней, и большинство компании почти ничего не помнило. Князь Шаховской, тот, что носит орден Иуды, добровольно принимал пощечины за червонцы, кто больше даст. Попойка на Германе продолжалась чуть не всю вторую половину дня, и лишь немногие спустились вниз не совершенно пьяными. <...>

8-го. Сегодня торжествовалась годовщина счастливой победы, одержанной в 1709 году над королем шведским, под Полтавою. Для этого празднества сделаны были большие приготовления. Царь сам вышел к Преображенскому полку, построившемуся за крепостью Санкт-Петербург, и, сделав различные распоряжения относительно того, как Преображенский и Семеновский полки должны расположиться кругом на площади, пошел в собор²³, там стал по обыкновению среди певчих, в хоре которых звучно и отчетливо пел, сам вышел с Библией в руках и, стоя в царских вратах, довольно громким голосом прочел перед всей паствой главу из послания Павла к римлянам, после чего снова присоединился к певчим, которые пели, сойдясь вместе посреди храма. Когда обедня кончилась, царь со всей свитой вышел на площадь к названным полкам, расположенным кругом. Там поставлена была красная скамейка (обтянутый красным сукном амвон) и несколько аналоев с образами, книгами и свечами. На амвон взошел архимандрит Феофилакт Лопатинский, ректор патриаршей школы в Москве, и под открытым небом пред всем народом

произнес проповедь, заключившуюся молебном. Затем раздался сигнальный выстрел и открылась круговая пальба с крепостного вала, из верфи и с четырех фрегатов, нарочно для этого случая расставленных накануне по Неве. Преображенский полк, которому сам царь подавал знак к стрельбе, заключил салют залпом. Повсюду выстрелы произведены были в три приема. Поздоровавшись сначала с окружающими его лицами, потом с полками, царь спросил чару водки и выпил ее за здоровье солдат. Посреди круга воздвигнута была пирамида, на которой висело 59 взятых в Выборге знамен и штандартов.

С площади я и все прочие последовали за царем в кружало, где он в тот день задавал пир. Там, по обыкновению, шла веселая попойка, и стреляли из пушек.

По случаю торжественного дня царь катался на своем кипарисовом буере, построенном в Индии и приведенном оттуда в Петербург. Царевнам он предоставил на утеху шлюпку, все двенадцать гребцов которой были одеты в кафтаны, капюшоны и штаны из алого бархата; на груди каждого висело по серебряной бляхе, в тарелку, с выпуклым изображением русского герба, т. е. парящего орла, увенчанного тремя венцами.

У царя в Петербурге имеется множество английских шлюпок. Он распределил их между иностранными министрами и другими местными важными особами. Одна досталась и мне. Быстрота, с какой русские выучиваются и навыкают всякому делу, не поддается описанию. Посаженные в шлюпку солдаты, по прошествии восьми дней, гребут одним веслом так же искусно, как лучшие гребцы.

Вечером на воде на двух связанных плотях был сожжен небольшой, но красивый фейерверк.

В кружале мы оставались до 2 часа утра, до того расставленные по всем углам караулы не позволяли нам выйти за дверь. В этот день на царе была та самая шляпа, которую он носил в Полтавском бою, вдоль ее поля черкнула пуля. Захвати эта пуля хотя бы всего на один палец в сторону и царь был бы убит, из этого видно, что самому Богу угодно было сохранить его жизнь. <...>

Август

8-го. У меня были в гостях, обедали все пребывающие здесь иностранные министры.

В 10 часов вечера в слободе насупротив, за Невой, произошел пожар, весь базар и суконные лавки, числом с лишком 70, обращены в пепел, на площади не осталось ни одного дома, все,

что только могло сгореть, сгорело, вплоть до болота, отделяющего базар от прочих домов слободы. Великим несчастьем было то, что царь, находившийся в этот день в Кроншлоте, сам на пожаре не присутствовал. Мне нередко приходилось видеть, как он первый являлся на пожар, привозя в своих санях маленькую пожарную трубу. Он сам принимает участие во всех действиях, прилагая руку ко всему и, так как относительно всего обладает необыкновенным пониманием, то видит сразу, как надо взяться за дело, отдает сообразные приказания, сам лезет на самые опасные места, на крыши домов, побуждает как знатных, так и простолюдинов тушить огонь и сам не отступится, пока пожар не будет прекращен. Этим царь часто предупреждает большие бедствия. Но в его отсутствие дело происходит совсем иначе. Здешний простой народ равнодушно смотрит на пламя, и ни убеждениями, ни бранью, ни даже деньгами нельзя побудить его принять участие в тушении, он только стережет случай, как бы что-нибудь стащить или украсть. Воровство случилось и на последнем пожаре: восьмерых солдат и одного крестьянина схватили с поличным. Впоследствии все они приговорены были к повешению. Виселицы, числом четыре, были поставлены по углам выгоревшей площади. Преступников привели на место казни, как скотов на бойню, ни священника, ни иного духовного лица при них не было. Прежде всего без милосердия повесили крестьянина. Перед тем, как лезть на лестницу, приставленную к виселице, он обернулся в сторону церкви и трижды перекрестился, сопровождая каждое знамение земным поклоном, потом три раза перекрестился, когда его сбрасывали с лестницы. Замечательно, что, будучи уже сброшен с нее и вися на воздухе, он еще раз осенил себя крестом (ибо здесь приговоренным при повешении рук не связывают). Затем он поднял было руку для нового крестного знамения, но она, наконец, бессильно упала. Далее восемь осужденных солдат попарно метали между собой жребий, потом метали его четверо проигравших, и в конце концов из солдат были повешены только двое. Удивительно, что один из них, будучи сброшен с лестницы и уже вися на веревке, перекрестился дважды и поднял было руку в третий раз, но уронил ее.

На упомянутом пожаре сгорело между прочим множество бочек водки в стоящем поблизости царском кабаке. <...>

13-го. Царь приказал привезти на свой корабль трех дезертиров и велел им при себе метать жребий о виселице. Того, кому жребий вынулся, подняли, по приказанию царя, на веревке к палачу, который в ожидании казни сидел на рее. Удивления достойно, с каким равнодушием относятся русские к смерти, как мало

боятся ее. После того, как осужденному прочтут приговор, он перекрестится, скажет «Прости» окружающим и без малейшей печали, бодро идет на смерть, точно в ней нет ничего горького. Относительно казни этого преступника следует еще заметить, что, когда ему уже был прочитан приговор, царь велел стоявшему возле его величества священнику подойти к осужденному, утешить и напутствовать его. Но священник, будучи, подобно всем почти духовным лицам в России, невежествен и глуп, отвечал, что дело свое он уже сделал, выслушал исповедь и покаяние преступника и отпустил ему грехи, и что теперь ему больше ничего не остается ни говорить, ни делать. Потом царь еще два раза обращался к священнику с тем же приказанием, но когда услышал от него прежний отзыв, то грустный отвернулся и стал горько сетовать на низкий умственный уровень священников и прочего духовенства в России, ничего не знающего, не понимающего и даже нередко являющегося более невежественным, чем простолюдины, которых собственно должно бы учить и наставлять. <...>

Октябрь

15-20. Ввиду предстоящих морозов, чтобы избежать плавучих льдов, флот снова собрался в Петербургскую гавань и стал разоружаться. Кампания нынешнего лета закончилась так счастливо, что о большем успехе и благословении Божьем нельзя было мечтать. В самом деле в одно лето царь взял восемь сильнейших крепостей, а именно: Эльбинг, Ригу, Динамюнде, Пернов, Аренсбург, Ревель, Выборг и Кексгольм и благодаря этому стал господином всей Лифляндии, Эстляндии, Карелии и Кексгольма²⁴. Ему больше ничего не оставалось завоевывать. Успех был тем беспримернее, что при взятии названных крепостей было меньше расстрелено пороку, чем в ознаменование радости по случаю всех этих побед и при чашах в их честь. Такое счастливое окончание кампании царь решил отпраздновать трехдневным торжеством. На празднество это были позваны как я, так и остальные пребывающие здесь иностранные посланники и иностранные господа. Однако что меня касается, то я извинился ввиду болезни груди, так как, помимо болезни я предчувствовал, что если три дня и три ночи буду кутить и пить, как другие, то могу поплатиться жизнью. Ибо на всех подобных пирах, лишь только соберутся гости, прежде даже чем они примутся пить или отведать вина, царь, по своему обыкновению, уже велит поставить у дверей двойную стражу, чтобы не выпускать никого, не исключая и тех, которые до того пьяны, что их, *salvo honore*,

рвет. Но при этом сам царь редко выпивает более одной или, в крайнем случае, двух бутылок вина, так что на столь многочисленных попойках я редко видел его совершенно, что называется, как стелька, пьяным. Между тем остальных гостей заставляют напиваться до того, что они ничего не видят и не слышат, и тут царь принимается с ними болтать, стараясь выведать, что у каждого на уме. Ссоры и брань между пьяными тоже по сердцу царю: так как из их взаимных укоров ему открываются их воровство, мошенничество и хитрости, и он пользуется случаем, чтобы наказывать виновных. Таким образом оправдывается пословица: когда воры бранятся, крестьянин получает обратно украденный товар. <...>

Ноябрь

19-20. В этот день дул сильный свежий ветер, и царь, как всегда, воспользовался этим случаем, чтобы покататься на своем буере под парусом, вверх и вниз по Неве. Сегодня царь встретил на фарватере и завернул назад около тридцати шлюпок, которые вопреки изданному им здесь когда-то положению, шли при благоприятном ветре не под парусами, а на веслах. Лодки, нарушающие это положение, платят штраф в размере 5-ти рублей с весла. Означенные шлюпки, будучи приведены на веслах обратно в Петербург, были задержаны и с них за провинность потребовали штраф. На одной из них, шестивесельной, шел вице-канцлер Шафиров, на двух других, десятивесельных, великий канцлер Головкин и его свита. Задержали и мою десятивесельную шлюпку, на которой я послал по делу на тот берег одного из моих людей, и меня пригласили уплатить 50 р. Однако я не пожелал подвергаться такого рода налогу и, отговорившись тем, что самого меня в лодке не было, предоставил властям взыскивать штраф с моего квартирмейстера, если он виноват, сам же отвечать за вину другого отказался и так-таки ничего не заплатил, несмотря на неоднократные требования.

В этот день в Петербург прибыло множество карликов и карлиц, которых по приказанию царя собрали со всей России. Их заперли, как скотов, в большую залу на кружале, так они пробыли несколько дней, страдая от холода и голода, так как для них ничего не приготовили, питались они только подаяннем, которое посылали им из жалости частные лица. Царь находился в это время в отсутствии. По прошествии нескольких дней, вернувшись, он осмотрел карликов и сам, по личному усмотрению, распределил их между князем Меншиковым, великим канцлером, вице-канцлером, генерал-адмиралом и другими князьями

и боярами, причем одному назначил их поменьше, другому побольше, смотря по имущественному состоянию каждого. Лицам этим он приказал содержать карликов до дня свадьбы карлика и карлицы, которые служили при царском дворе. Эта свадьба была решена самим царем, против желания жениха и невесты. Царь приказал боярам роскошно нарядить доставшихся им карликов, бывших до того в лохмотьях и полуголыми, в галунные платья, золотые кафтаны и т. п. Ибо, следуя своему всегдашнему правилу, царь из своего кармана и на них не пожелал израсходовать ни копейки. Лица, которым было поручено их содержание и обмундировка, расшаркались, поклонились царю и без малейших возражений взяли карликов к себе.

Эту свадьбу карликов я считаю достойной описания. Произшла она следующим образом. 23-го царь назначил эту свадьбу на будущий вторник и с приглашением на нее прислал ко мне двух карликов; приезжали они на мое подворье в открытом экипаже.

25-го. Все карлики и бояре разрядили своих карликов и привезли их с собой. На Неве было приготовлено множество малых и больших шлюпок. Общество переехало на них в крепость, где в соборе должно было произойти венчание. Против крепости, на пристани, царь сам расставил карликов. Жених шел впереди вместе с царем. За ними выступал один из красивейших карликов, с маленьким маршальским жезлом в руке; далее следовали попарно восемь карликов-шаферов, потом шла невеста, а по сторонам ее те два шафера, что ездили приглашать гостей на свадьбу; за невестой шли в семи парах карлицы и, наконец, чета за четой, еще 35 карликов. Те, которые были старше, некрасивее и рослее, заключали шествие. Таким образом во всем карликов и карлиц я насчитал 62 души: впрочем иные утверждают, что их было больше. Все они были одеты в прекрасные платья французского покроя, но большая их часть, преимущественно из крестьянского сословия и с мужицкими приемами, не умела себя вести, вследствие чего шествие это казалось особенно смешным. В таком порядке карлики вошли в крепость. Там встретил их поставленный в ружье полк, с музыкой и распущенными знаменами, часть его стояла у ворот, другая возле собора. Жениха и невесту обвенчали с соблюдением всех обрядов русского венчания, только за здоровье друг друга из стакана с вином они не пили и вокруг аналая не плясали. Церемонии эти приказал опустить царь, так как очень спешил. Во все время, пока длилось венчание, кругом слышался подавленный смех и хохот, вследствие чего таинство более напоминало балаганную комедию, чем венчание или вообще богослужение. Сам священник, вследствие душившего его смеха, насилиу мог выговаривать слова во время службы.

На мой взгляд, всех этих карликов по их типу можно было разделить на три разряда. Одни напоминали двухлетних детей, были красивы и имели соразмерные члены, к их числу принадлежал жених. Других можно бы сравнить с четырехлетними детьми. Если не принимать в расчет их голову, по большей части огромную и безобразную, то и они сложены хорошо, к числу их принадлежала невеста. Наконец, третьи похожи лицом на дряхлых стариков и старух, и если смотреть на одно их туловище, от головы и примерно до пояса, то можно с первого взгляда принять их за обыкновенных стариков, нормального роста, но, когда взглянешь на их руки и ноги, то видишь, что они так коротки, кривы и косы, что иные карлики едва могут ходить.

Из собора карлики в том же порядке пошли обратно к своим лодкам, разместились в маленькие шлюпки, гости сели в свои лодки и весь поезд спустился к дому князя Меншикова, где должен был иметь место свадебный пир. Там в большой зале было накрыто шесть маленьких овальных столов, с миниатюрными тарелками, ложками, ножами и прочими принадлежностями стола, все было маленькое и миниатюрное. Столы были расставлены овалом. Жених и невеста сидели друг против друга: она за верхним, он за нижним столами в той же зале. Как над ней, так и над ним было по алому небу, с которого спускалось по зеленому венку. Однако за этими шестью столами все карлики поместиться не могли, а потому был накрыт еще один маленький круглый стол, за который посадили самых старых и безобразных. За столом в сидячем положении эти последние представлялись людьми, вполне развитыми физически, тогда как стоя самый рослый из них оказывался не выше шестилетнего ребенка, хотя на самом деле всякий был старше 20-ти лет. Кругом залы, вдоль стен, стояли четыре стола, за ними, спиной к стене и лицом к карликам, сидели гости. Край столов, обращенный к середине залы, оставили свободным, чтобы всем было видно карликов, сидевших посреди залы за упомянутыми маленькими столами. За верхним из тех столов, что стояли вдоль стен, помещались женщины, за тремя остальными мужчинами. Карлики сидели на маленьких деревянных скамейках о трех ножках, с днищем в большую тарелку. Вечером, когда в залу внесены были свечи, на столы перед карликами поставили маленькие свечечки в позолоченных точеных деревянных подсвечниках. Позднее перед началом танцев семь столов, за которыми обедали карлики, были вынесены, а скамейки, на коих они сидели, были приставлены к большим столам. Пока одни карлики танцевали, другие сидели на скамейках. Приглашенные на эту комедию остались на своих прежних местах, за которыми обедали, и теперь принялись смотреть. Тут, собственно, и началась

настоящая потеха: карлики, даже те, которые не только не могли танцевать, но и едва могли ходить, все же должны были танцевать во что бы то ни стало, они то и дело падали, и так как по большей части были пьяны, то упав, сами уже не могли встать и в напрасных усилиях подняться долго ползали по полу, пока наконец их не поднимали другие карлики. Так как часть карликов напилась, то происходило и много других смехотворных приключений: так, например, танцуя, они давали карлицам пощечины, если те танцевали не по их вкусу, хватали друг друга за волосы, бранились и ругались и т. п., так что трудно описать смех и шум, происходивший на этой свадьбе. Будучи собственным карликом царя, новобрачный был обучен различным искусствам и сам изготовил для этого маленький фейерверк, но в тот вечер умер единственный сын князя Меншикова, поэтому праздник окончился рано, и фейерверк сожжен не был. Карлик этот находился при царе в бою под Полтавой и вообще участвовал с ним в важнейших походах и битвах, ввиду чего царь очень его любил. <...>

Декабрь

21-20. Ночью в Петербурге было повсюду такое наводнение, что многие должны были выбраться из своих жилищ. Вода залила все погреба, причем пиво и всякие другие запасы подверглись порче. В этом смысле пострадал и я. Строевой лес и лодки подмывало вплотную к домам и носило по улицам, так что всякие сообщения прекратились. Здесь уместно сказать, что три года тому назад царь обнародовал постановление, под страхом смертной казни воспрещающее присваивать чужой лес или другое добро, уплывшее при подобных наводнениях, которые случаются в Петербурге почти ежегодно. Добро, очутившееся, когда спадет вода, на чужой земле, должно быть возвращено настоящему собственнику.

22-20. Так как царь в течение некоторого времени, против своего обыкновения, безвыездно сидел дома, чтобы лечиться, и я вследствие этого долго его не видал, то я стал искать случая повидаться с ним. Стоило это мне немалых хлопот, впрочем, при содействии одного из царских денщиков, я таки достиг цели и застал царя дома — не одетым, в кожаном, как у ремесленника фартуке, сидящим за токарным станком. Царь часто развлекается точением и, путешествуя, возит станок за собой. В этом мастерстве он не уступит искуснейшему токарю и даже достиг того, что умеет вытачивать портреты и фигуры. При моем

посещении он временами вставал из-за станка, прогуливался взад и вперед по комнате, подшучивал над стоящими кругом лицами и пил с ними, а также порой разговаривал то с тем, то с другим между прочим и о самых важных делах, о каковых удобнее всего разговаривать с царем именно при подобных случаях. Когда же царь снова садился за станок, то принимался работать с таким усердием и вниманием, что не слышал, что ему говорят, и не отвечал, а с большим упорством продолжал свое дело, точно работал за деньги и этим трудом снискивал себе пропитание. В таких случаях все стоят кругом него и смотрят, как он работает. Всякий остается у него, сколько хочет, и уходит, когда кому вздумается, не прощаясь. <...>

1711 ГОД

Январь

30-го. Царский духовник передавал мне, что за Невой, на гауптвахте, в присутствии 20-ти человек солдат, заплакал образ Божьей Матери, которая будто бы сказала при этом, что в ее честь за крепостью должна быть построена церковь. Об этом чуде доложили царю, ибо русские по меньшей мере так же суеверны, как паписты, и царь, желая сам это видеть, тотчас же поехал за Неву, чтобы осмотреть образ: у глаз Божьей Матери действительно оказалось несколько полосок, как бы от стекавшей вниз влаги. Поверил ли он этому вымышленному плачу, не знаю, во всяком случае, ни положительного, ни отрицательного мнения своего по настоящему делу он не выразил. И вот слух этот, как ложь, сочиненная евреями о том, будто бы тело Иисуса было украдено его учениками, продолжает и доныне составлять между русскими предмет всеобщих разговоров.

В тот же день царь рассказал мне о следующем случае, происшедшем несколько лет тому назад в Москве. По его распоряжению казнили некоторых бунтовщиков. В России осужденные идут на казнь не связанные, им даже не завязывают глаз, они сами бросаются наземь перед палачом, растягивают руки и вытягивают ноги и кладут голову на плаху. Один из бунтовщиков лег плашмя на землю, протянув руки вдоль тела, затем ему отсекли топором голову. Тут царь увидал, как обезглавленный труп приподнялся на руках и на коленях и простоял в таком положении целую минуту, после чего снова повалился наземь. Рассказ этот заслуживает веры, так как слышал я его из собственных уст царя, а царь не склонен к вымыслам. В заключение царь, который

весьма здраво обо всем судит, выразил мысль, что несомненно у этого преступника жилы были сравнительно тонкие — обстоятельство, замедлившее истечение крови и чрез это на более долгое время сохранившее в теле жизненные силы. Подобные же случаи, происходящие от той же причины, наблюдаются и на птицах, в особенности на курах, которые, будучи обезглавлены, иной раз долго еще бегают по земле.

Март

16-го. Проезжая по городу, я случайно встретил царя, который сам делал сортировку между солдатами и офицерами, устранив старых и негодных к службе, причем сам обо всем расспрашивал и писал. Удивительнее всего было спокойствие, с каким он это делал. Непосвященный подумал бы, что никакого другого дела у него нет, тогда как в действительности во всей России государственные дела — гражданские, военные и церковные — ведаются им одним, без особой помощи со стороны других. Перед своим уходом, царь велел внести *globum terrestrem** в дом и поставить его под небо из тафты. Глобус этот медный, шести футов в диаметре, заказан в Голландии покойным королем шведским; цена ему была назначена в 16 000 ригсдалеров, но так как король умер до его изготовления, а царствующему королю в нем надобности не было, то царь выторговал его себе за 1800 ригсдалеров.

В этот день из Москвы уехал упоминаемый выше польский посол, не получив у царя иной прощальной аудиенции, кроме как частной, на пиру у некоего служащего в Сенате, в Москве, Тихона Никитича²⁵, куда был зван и царь. <...>

21-го. Я ездил в Измайлово-двор в 3-х верстах от Москвы, где живет царица, вдова царя Ивана Алексеевича, со своими тремя дочерьми царевнами²⁶. Поехал я к ним на поклон. При этом случае царевны рассказали мне следующее. Вечером, незадолго перед своим отъездом, царь позвал их, царицу и сестру свою Наталью Алексеевну в один дом в Преображенскую слободу. Там он взял за руку и поставил перед ними свою любовницу Екатерину Алексеевну. На будущее время, сказал царь, они должны считать ее законной его женой и русской царицей. Так как сейчас, ввиду безотлагательной необходимости ехать в армию, он обвенчаться с ней не может, то увозит ее с собой, чтобы совершить это при случае, в более свободное время. При этом

* Земной глобус (лат.).

царь дал понять, что если он умрет прежде, чем успеет на ней жениться, то все же после его смерти они должны будут смотреть на нее, как на законную его супругу. После этого все они поздравили Екатерину Алексеевну и поцеловали у нее руку. Без сомнения, история не представляет другого примера, где бы женщина столь низкого происхождения, как Екатерина, достигла такого величия и сделалась бы женой великого монарха. Многие полагают, что царь давно бы обвенчался с ней, если бы против этого не восставало духовенство, пока первая его жена была еще жива, ибо духовенство полагало, что в монастырь она пошла не по своей доброй воле, а по принуждению царя, но так как она недавно скончалась, то препятствий к исполнению царем его намерения более не оказалось²⁷ <...>

27-го. Некто Boutenant de Rosenbusk*, которого блаженной памяти король Христиан V пожаловал в дворяне и назначил королевско-датским комиссаром в Москву, равным образом стал жертвой жестокого насилия. Отец его, родом голландец, нашел близ одного города, называемого Олонецком, в местностях, расположенных недалеко одна от другой, чугунную и медную руду и, получив надлежащую привилегию и разрешение, открыл там, на собственный счет, с большими затратами, два завода — чугунный и медный. Затем он стал, однако, получать значительные барыши. Но вскоре после того, как все устроилось, Rosenbusk-отец умер. Тогда привилегия на заводы была возобновлена на имя его сына, Бутенанта де Розенбуска, притом самым формальным образом, за подписью самого царя и за большой российской печатью. Однако так как эти заложенные под Олонецком чугунный и медный заводы давали хороший доход, то алчный князь Меншиков решил завладеть ими: во-первых, они находились в подведомственной ему губернии, во-вторых, у Розенбуска не хватало средств на их содержание, а заводы должны были изготовлять разные военные принадлежности. И вот, князь Меншиков отобрал заводы себе, отказавшись даже уплатить, бедному Бутенанту де Розенбуску те 20 000 рублей за поставки с заводов, которые заводы будут ему возвращены, так как ему легко было бы содержать их, если бы те 20 000 рублей были ему уплачены. Хорошо осведомленный о великой несправедливости, которой подвергся этот человек, царь все обнадеживал его добрыми обещаниями, но, в сущности, не знал, как ему извернуться и к какой уловке прибегнуть: с одной стороны, он не находил возражений против его законных требований, но с другой — не хотел лишить князя Меншикова приобретенных им выгод, так что Розенбуск

* По русским источникам — Бутенант фон Розенбуш.

никогда не получил обратно ни заводов, ни денег. Один лишь генерал-адмирал Апраксин из сострадания оказал ему незначительную денежную помощь. И в конце концов Розенбуск умер в бедности, удрученный горем²⁸.

Очень может быть, что доходами с этих заводов, равно как и с имущества, отнятого князем Меншиковым у многих других лиц, пользуется сам царь. Вообще он только прикидывается сторонником законности, и когда совершается какая-нибудь несправедливость, князь должен только отвлекать на себя ненависть пострадавших. Ибо если бы князь Меншиков действительно обладал всем, что в России считается его собственностью, то доходы его достигали бы нескольких миллионов рублей. Но на самом деле невероятно, чтобы такой правитель, как царь, крайне нуждающийся в средствах для ведения войны и столь же скупой для самого себя, как какой-нибудь бедняк-простолюдин, решился одарить кого-либо подобным богатством. На вопрос: «Кто пользуется монополией на право торговли царской рожью и многими другими товарами, вывозимыми морем из Архангельска?» всегда слышишь тот же ответ: «Князь Меншиков». На вопрос: «Кто пользуется в Москве доходами с того или другого производства?» всегда слышишь, что все они принадлежат князю. Короче, все принадлежит ему, так что он будто бы властен делать, что ему угодно. А про царя говорят, что сам он добр, на князя же падает вина во многих вопросах, в которых он нередко невинен, хотя вообще он и не отличается справедливостью, а во всем, что относится до почестей и до наживы, является ненасытнейшим из существ, когда-либо рожденных женщиной. Когда царь не хочет заплатить заслуженного содержания какому-либо офицеру или не хочет оказать ему защиты, то говорит, что сам он всего генерал-лейтенант, и направляет офицера к фельдмаршалу, князю Меншикову, но когда проситель является к князю, последний уже предупрежден и поступает так, как ему кажется выгоднее. Если бедняк снова идет к царю, то его величество обещается поговорить с Меншиковым, делает даже вид, что гневается на князя за то, что нуждающийся остается без помощи, но все это одно притворство. У государя этого есть сей порок, весьма затемняющий его добрую славу. В других отношениях царь достоин бесчисленных похвал, а именно, можно про него сказать, что он храбр, рассудителен, благочестив, поклонник наук, трудолюбив, прилежен и поистине неутомим. Но когда выдается случай нажить деньги, он забывает все. Испытывал это на себе вышеупомянутый Бутенант де Розенбуск, испытал один полковник — немец von Velsen. Без вины посаженный под арест он был оправдан военным судом, тем не менее однако никогда не мог добиться ни возвращения ему полка, ни уплаты заслужен-

ного содержания, так что в конце концов вынужден был выбраться из России, чуть не побираясь. Испытал это и мой пристав, Яков Андреевич, у которого князь, безо всякой причины, основываясь только на «*sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas*»*, отобрал без всякого за то возмещения большое поместье. Один из попечителей лютеранской церкви в Москве был жертвой подобного же рода насилия. Вновь избранный шведский священник Штаффенберг, человек нехороший и беспокойный — <...> — легкомысленно проповедовал с кафедры о варварском будто бы обращении в Москве со шведскими пленными. И вот упомянутого попечителя сослали в Казань и без суда отобрали его имущество, превышавшее 60 000 рублей, за то лишь, что он, как старший попечитель церкви не сделал выговора священнику и не донес о его проповедях. Самого же Штаффенберга за такие слова без суда посадили в тюрьму и впоследствии сослали в Сибирь. А у общины, которая до тех пор самостоятельно, не спрашиваясь царя, управляла своими церковными делами, вольность эта отнята, и старшим блюстителям обеих лютеранских церквей назначен вице-канцлер Шафиров, имеющий отныне наблюдать за правильным течением общинных дел, а равно и за тем, чтобы в церквях ничего не говорилось против царского величества. Шафиров должен также рассмотреть прежние споры, возникшие благодаря беспокойному шведскому священнику, на будущее же время предупреждать несогласие.

Таким образом, все совершается здесь вне закона и без суда. Если на какое-либо должностное лицо, уже успевшее нажиться, донесут его враги или попрекнут его во хмелю несправедливостью либо воровством по должности, то все имущество его конфискуется без суда, и он еще счастлив, если избежал кнута и ссылки в Сибирь. Когда такому лицу удастся отвратить постигшую его опалу, сделав подарок князю Меншикову в размере 10-ти, 20-ти, 30-ти тысяч или более рублей, смотря по состоянию, то оно спасено, ибо тогда уже дело не дойдет до разбирательства и суда. В таких случаях обыкновенно говорят: «Князь взял взятку», — что в сущности действительно нередко бывает, но из таких взяток царь без сомнения тоже получает свою долю, только по своей природе действует скрытно, стараясь направить общую ненависть на князя. Вообще мне сообщали столько примеров строгостей и насилий, совершаемых в России в отношении иностранцев и русских, что на исчисление и пересказ их не хватило бы многих дестей бумаги. Да и нельзя ожидать лучших порядков в стране, где важнейшие сановники то и дело повторяют следующее твердо установленное правило государственной мудрости:

* Так я хочу, так повелеваю, обоснованием (доводом) да будет моя воля (*лат.*).

«Пусть весь мир говорит что хочет, а мы все-таки будем поступать по-своему». Слова эти я сам нередко слышал из уст здешних министров. Когда на конференции мне приходилось доказывать, что известная мера возбудит в королеве английской, в императоре или в другом каком-либо монархе неблагоприятные мысли и суждения о русских порядках, министры, если не находили другого возражения, пускали в ход вышеприведенную свою поговорку. Когда же подобное правило пускается в ход, то прекращаются все доводы, которые мог бы придумать разум. <...>

